

4. ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Даниил Леонидович Андреев был арестован в 1947 году, когда после войны началась новая волна репрессий. Вы спросите – за что? Да ни за что. В это «ни за что» входили самые фантастичные преступления, не имевшие к подавляющему большинству арестованных никакого отношения. Он сидел в тесной тюремной камере, где, кроме него, находилось немало самого разного народа. Тюрьма называлась Владимирским централом и пользовалась очень дурной славой. Полагаю, что сидевшие с ним в камере не догадывались, кто он такой. Возможно, они знали, что он был младшим сыном крупного русского писателя Леонида Андреева, автора одной из блестящих статей – «Держава Рериха». В статье между строк явно ощущался таинственный отзвук иного мира. Для узника Владимирского централа, как ни странно, этот иной мир был реальной и ближе, чем для его отца. Ему был известен и Рерих, которого он считал одним из выдающихся творцов, сумевших в своих картинах передать мир иной и космическое настроение, отличавшее ряд известных художников и философов Серебряного века.

Даниил Андреев, по прихоти судьбы оказавшийся в тюремной камере и просидевший в ней десять тяжелых и унижительных лет, жил как бы в двух мирах. Один был миром советской тюрьмы, со всеми принудительными и ужасающими подробностями ее жизни, другой – сияющий и вдохновенный мир Высшего состояния материи и тонкой высоковибрационной энергетике. В Данииле Андрееве объединились необъединимые миры – Высший и низший. Выходя из Высшего блистающего мира, он сразу попадал в душную камеру с измученными неволей и голодом людьми, ставшими рабами страшного и жестокого государства, людьми, в силу таких обстоятельств утратившими человеческий облик. Переход из одного мира в другой можно было бы сравнить с переходом из ада в рай и возвращением снова в ад. Никакая мифология, никакая человеческая фантазия не могла придумать такого. Приходится просто удивляться, как земное сердце Даниила Леонидовича выдерживало мученичество таких переходов. Никто из соседей по камере этого не мог видеть. Их человеческая структура и уровень сознания не могли соприкоснуться с Высшим, они не были посвящены в тайну иного состояния материи. В тюремной камере вместе с ними находился вестник космических сил, прибывший на Землю со своей космической миссией. Внешне вестник ничем не отличался от своих сотоварищей по тюрьме. И также не было ничего странного в том, что он ложился на свою койку и поворачивался лицом к стене. Они и не подозревали, что в это время его уже не было в камере. В камере оставался его «скафандр», если можно так назвать плотноматериальную оболочку, а тонкая внутренняя структура соприкасалась с удивительным и иногда непознаваемым миром, миром-видением, миром волшебных преобразений. Он, Даниил Андреев, нес весть об этом мире на Землю, нес весть о высшем космическом сознании и метаистории, не познанной земными историками, но очень необходимой для земного исторического процесса. Ночью он записывал то,

что видел там, в ином мире. Его сокамерники, сломленные дневными мучениями, спали тревожно и беспокойно. Он мог работать, будучи уверенным, что они, несмотря ни на что, не проснутся до раннего утра. «Я помню, — писал он, — как ряды обращенных ко мне человеческих лиц стали мало-помалу делаться туманнее и как бы несколько удаляться в пространстве; вернее, по-видимому, я сам удалялся от них, приподнимаясь над землей. Вдали, на горизонте, я видел до сих пор полупрозрачный, будто сложенный из хризолита горный кряж; вдруг я заметил, что горы начинают излучать удивительное свечение. Трепещущие радуги перекинулись, скрещиваясь, по небосклону, в зените проступили дивные светила разных цветов, и великолепное солнце не могло затмить их. Я помню чувство захватывающей красоты, ни с чем не сравнимого восторга и изумления. Когда же взгляд мой опустился вниз, я увидел, что толпы провожавших больше нет, весь ландшафт преобразился совершенно, и понял, что миг моего перехода в высший слой уже миновал»¹. После перехода, здесь достаточно точно описанного, Андреев попадал в «Мир поющих цветов», более высокого измерения, нежели Земля.

По свидетельству Д.Л.Андреева, никто никакой практикой не готовил его к состоянию, в котором он видел то, чего не видели другие. Кроме того, как он утверждал, у него не было руководителя, который мог бы ему помочь своими советами в таких случаях. Но вместе с тем он предполагал деятельность и помощь «невидимых осуществителей»², за которыми явно стояли Космические Иерархии, так же как у Рерихов и у В.И.Вернадского. Это дает возможность говорить об общем для них источнике в их контактах и видениях. И у Рерихов, и у В.И.Вернадского, и у Д.Л.Андреева в «чаше» были значительные энергетические накопления прошлых жизней. Известно, что в таком случае практической подготовки не нужно. Богатые знания, хранящиеся в «чаше», и осознанное или неосознанное умение ими пользоваться в земных условиях являются особенностью вестников космической эволюции. Начиная с 20-х годов прошлого века Космические Иерархии через своих вестников открывают для России три канала мета-знаний, необходимых для подъема нашей страны на новый виток космической эволюции. Д.Л.Андреев это вполне ощущал, так же как и его единомышленники по космической эволюции.

Проявление у Андреева особых духовных способностей началось очень рано, еще в 1921 году. Сама дата весьма знаменательна, ибо стоит очень близко к 1920 году, когда началось космическое творчество Рерихов и Вернадского. Близость дат еще раз подтверждает, наряду с близостью взглядов, что все три канала, представлявшие творчество космической эволюции на Земле, действовали по одному и тому же плану. Определенные различия у вестников, действовавших в этих каналах, были связаны с индивидуальностями каждого, разницей судеб, характеров и самой кармы.

Вот что писал Андреев о своем впечатлении в связи с первым проявлением его уникальных способностей. «Первое событие этого рода, сыгравшее в развитии моего внутреннего мира огромную, во многом даже определяющую роль, произошло в августе 1921 года, когда мне еще не исполнилось пятнадцати лет. Это случилось в Москве, на

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 116.

² Там же. С. 66.

исходе дня, когда я, очень любивший к тому времени бесцельно бродить по улицам и беспредметно мечтать, остановился у парапета в одном из скверов, окружавших храм Христа Спасителя и приподнятых над набережной. Московские старожилы еще помнят, какой чудесный вид открывался оттуда на реку, Кремль и Замоскворечье с его десятками колоколен и разноцветных куполов. Был, очевидно, уже седьмой час, и в церквях звонили к вечерне... Событие, о котором я заговорил, открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывавший историческую действительность России в странном единстве с чем-то неизмеримо бóльшим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывавшими оттуда в круг сознания. Разум очень долго не мог справиться с ними, пробуя создавать новые и новые конструкции, которые должны были сгармонизировать противоречивость этих идей и истолковать эти образы¹.

После этого видения продолжались и, конечно, требовали своего осмысления. У Даниила Андреева был философский склад ума и довольно широкое гуманитарное образование. В 1933 году у него было видение, очень значительное с точки зрения и духовной, и исторической. «В ноябре 1933 года я случайно – именно совершенно случайно – зашел в одну церковку во Власьевском переулке. Там застал я акафист преподобному Серафиму Саровскому. Едва я открыл входную дверь, прямо в душу мне хлынула теплая волна нисходящего хорового напева. Мною овладело состояние, о котором мне чрезвычайно трудно говорить, да еще в таком протокольном стиле. Непреодолимая сила заставила меня стать на колени, хотя участвовать в коленопреклонениях я раньше не любил: душевная незрелость побуждала меня раньше подозревать, что в этом движении заключено нечто рабское. Но теперь коленопреклонения оказалось недостаточно. И когда мои руки легли на ветхий, тысячами ног истоптанный коврик, распахнулась какая-то тайная дверь души, и слезы ни с чем не сравнимого блаженного восторга хлынули неудержимо. И, по правде сказать, мне не очень важно, как знатоки всякого рода экстазов и восхищений назовут и в какой разряд отнесут происшедшее вслед за этим. Содержанием же этих минут был подъем в Небесную Россию, переживание Синклита² ее просветленных, нездешняя теплота духовных потоков, льющихся из того средоточия, которое справедливо и точно именовать Небесным Кремлем. Великий дух, когда-то прошедший по нашей земле в облике Серафима Саровского, а теперь – один из ярчайших светильников Русского Синклита, приблизился к склонился ко мне, укрыв меня, словно эпитрахилью, шатром струящихся лучей света и ласкового тепла. В продолжение почти целого года, пока эту церковь не закрыли, я ходил каждый понедельник к акафистам преподобному Серафиму – и – удивительно! – переживал это состояние каждый раз, снова и снова с неослабевающей силой»³.

И еще одно видение, потрясшее его уже на фронте Отечественной войны. «В начале 1943 года я участвовал в переходе 196-й стрелковой дивизии по льду Ладожского озера и, после двухдневного пути через Карельский перешеек, вошел поздно вечером

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 62–63.

² Особая космическая структура, где обитают «сонмы просветленных человеческих душ» (см.: Краткий словарь имен, терминов и названий, часто упоминаемых в тексте // Там же. С. 593.

³ Там же. С. 64.

в осажденный Ленинград. Во время пути по безлюдному, темному городу к месту дислокации мною было пережито состояние, отчасти напомиравшее то давнишнее, юношеское, у храма Спасителя, по своему содержанию, но окрашенное совсем не так: как бы ворвавшись сквозь специфическую обстановку фронтовой ночи, сперва просвечивая сквозь нее, а потом поглотив ее в себе, оно было окрашено сурово и сумрачно. Внутри него темнело и сверкало противостояние непримиримейших начал, а их ошеломляющие масштабы и зиявшая за одним из них великая демоническая сущность внушали трепет ужаса. ...И только веющее блистание от приближавшегося его врага – нашей надежды, нашей радости, нашего защитника, великого духа-народоводителя нашей родины – уберегло мой разум от непоправимого надлома»¹.

Автор «Розы Мира» не только записывал космические видения, но и пристально вглядывался в процесс их зарождения и проявления. В результате этих наблюдений мы имеем ценнейший материал, принадлежащий метанаучному опыту. В этом тонкоматериальном процессе Д.Л.Андреев выделил три этапа. Привожу его собственное описание этих этапов, которые дают нам ясное представление не только об опыте самого Андреева, но имеют и общее значение для познания подобных движений. «Первая стадия заключается во мгновенном внутреннем акте, совершающемся без участия воли субъекта и, казалось бы, без видимой предварительной подготовки, хотя, конечно, в действительности такая подготовка, только протекающая за порогом сознания, должна иметь место.

Содержанием этого акта является молниеносное, но охватывающее огромные полюсы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и невыразимой ни в каких словах *сути* больших исторических феноменов. Формой же такого акта оказывается сверх меры насыщенная динамически-кипящими образами *минута* или *час*, когда личность ощущает себя как тот, кто после долгого пребывания в тихой и темной комнате был бы вдруг поставлен под открытое небо в разгар бури – вызывающей ужас своей грандиозностью и мощью, почти ослепляющей и в то же время переполняющей чувством захватывающего блаженства. О такой полноте жизни, о самой возможности такой полноты личность раньше не имела никакого представления. Синтетически охватываются единовременно целые эпохи, целый – если можно так выразиться – метаисторический космос этих эпох с великими борющимися в нем началами. Ошибочно было бы предполагать, что эти образы имеют непременно зрительную форму. Нет, зрительный элемент включается в них, как, может быть, и звуковой, но сами они так же относятся к этим элементам, как, например, океан относится к водороду, входящему в состав его воды. Дать представление об этом переживании крайне трудно за отсутствием сколько-нибудь точных аналогий с чем-либо другим, более известным.

Переживание это оказывает потрясающее действие на весь душевный состав. Содержание его столь превосходит все, что находилось раньше в круге сознания личности, что оно будет много лет питать собою душевный мир пережившего. Оно станет его драгоценнейшим внутренним достоянием.

Такова первая стадия метаисторического познания. Мне кажется допустимым называть ее метаисторическим озарением.

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 64–65.

Результат озарения продолжает храниться в душевной глубине, — храниться не как воспоминание, а как нечто живое и живущее. Оттуда постепенно, годами, поднимаются в круг сознания отдельные образы, идеи, целые концепции, но еще больше остается их в глубине, и переживший знает, что никакая концепция никогда не сможет охватить и исчерпать этого приоткрывшегося ему космоса метаистории. Эти-то образы и идеи становятся объектом *второй* стадии процесса.

Вторая стадия не обладает тем моментальным характером, как первая: она представляет собою некоторую цепь состояний — цепь, пронизывающую недели и месяцы и проявляющуюся почти ежедневно. Это есть внутреннее созерцание, напряженное вживание, сосредоточенное вглядывание — иногда радостное, иногда мучительное — в исторические образы, но не замкнутые в самих себе, а воспринимаемые в их слитности со второй, метаисторической реальностью, за ними стоящей. Выражение “вглядываться” я употребляю здесь условно, а под словом “образы” разумею опять-таки не зрительные представления только, но представления *синтетические*, включающие зрительный элемент лишь постольку, поскольку созерцаемое может вообще иметь зрительно представимый облик. При этом крайне важно то, что содержанием подобного созерцания бывают в значительной мере и явления иномерных слоев материальности; ясно, что воспринимать их могут не физические органы зрения и слуха, но некоторые другие, имеющиеся в составе нашего существа, но обычно отделенные как бы глухою стеной от зоны дневного сознания. И если первая стадия процесса отличалась пассивным состоянием личности, ставшей как бы невольным зрителем ошеломляющего зрелища, то на второй стадии возможно, в известной мере, направляющее действие личной воли — иногда, например, в выборе того или иного объекта созерцания. Но чаще, и как раз в наиболее плодотворные часы, образы всплывают непроизвольно, излучая, сказал бы я, такую завораживающую силу и приоткрывая такой многопланый смысл, что часы созерцания превращаются в ослабленные подобия минут озарения. При известной творческой predisположенности субъекта образы эти могут в иных случаях становиться источником или стержнем, осью художественных произведений; и сколь мрачны и суровы не были бы некоторые из них, но величие этих образов таково, что трудно найти равное тому наслаждение, которое вызывается их созерцанием.

Именно метаисторическим созерцанием можно, мне кажется, назвать эту вторую стадию процесса.

Картина, создающаяся таким образом, подобна полотну, на котором ясны отдельные фигуры и, быть может, их общая композиция, но другие фигуры туманны, а некоторые промежутки между ними ничем не заполнены; иные же участки фона или отдельные аксессуары отсутствуют вовсе. Возникает потребность уяснения неотчетливых связей, заполнения остающихся пустот. Процесс вступает в третью стадию, наиболее свободную от воздействия внеличных и внерассудочных начал. Ясно поэтому, что именно на *третьей* стадии совершаются наибольшие ошибки, неправильные привнесения, слишком субъективные истолкования. Главная помеха заключается в неизбежно искажающем вмешательстве рассудка; вполне отделаться от этого, по-видимому, почти невозможно. Возможно другое: уловив внутреннюю природу метаисторической логики, удастся иной раз перестроить в ее направлении даже работу рассудка.

Эту третью стадию процесса естественно назвать метаисторическим осмыслением»¹.

Осмысливание трех стадий процесса соприкосновения с миром более высокого состояния материи представляет собой один из интереснейших моментов внутренней работы. Д.Л.Андреев четко ощущал разницу в восприятии между земным миром и более высоким миром на первой стадии. Историческая информация, которая шла из иномирного источника, представляла собой нечто целое, неразделенное. В основе такого феномена лежало другое время или безвременье, в котором ему было трудно ориентироваться. Он не мог определить, сколько времени прошло — час или минута. Такая разница во времени теоретически уже была нащупана современной наукой, но опыт восприятия временного феномена принадлежал в данном случае тому, кто соприкоснулся с иным миром. В этом состояла и состоит ценность опыта ученого и философа Д.Л.Андреева. К тому же он определил метаисторическую информацию, с которой соприкоснулся сам, как образную. Его собственные знания о внутреннем мире позволили понять, что, собственно, происходит с ним и его восприятием неведомого таинственного мира. В связи с этим он ввел в изучение метаистории новую формулировку — метаисторическое познание. И те, кто глубоко изучал Живую Этику и размышления В.И.Вернадского о новой системе познания, без труда могут понять, что метаисторическое познание представляет собой важнейшую особенность новой системы познания как таковой. Метаисторическое познание в своей основе было столь обширным и глубоким, что Андреев ввел реальную формулировку — метаисторический космос, охватывающий миры различных высоких состояний материи. Только реальный опыт соприкосновения с такими мирами дал Андрееву возможность увидеть их реальность, с которой можно начинать научное ее осмысление. Еще раз необходимо отметить, что современная наука пока практически не дошла ни до метанауки, ни до ее сердца — метаистории.

Характеризуя вторую стадию происходящего процесса, Д.Л.Андреев писал о метаисторическом созерцании, которое происходит во внутреннем мире самого наблюдателя этого процесса. Такое метаисторическое созерцание может привести к дифференциации цельной образной структуры и выделению отдельных образов. Этого результата можно добиться лишь в напряженном художественном творчестве. Здесь мы опять видим еще одно серьезное подтверждение тесной связи метаисторического источника с истинным искусством.

Третью стадию процесса Д.Л.Андреев справедливо назвал метаисторическим осмыслением, которое представляет собой напряженное творчество, связанное с реальными оценками происходящего.

И наконец, разворачивая картину метаисторического источника на основе своего опыта, он пишет о метаисторическом чувстве, одном из важнейших элементов метаистории. Метаисторическое чувство формируется в человеке в течение многих его жизней, и не каждому это чувство доступно. Только на основе этого чувства возникает связь с метаисторическим источником, способность включиться в метаисторическое познание, метаисторическое созерцание, метаисторическое осмысление. Все эти метаисторические явления составляют важнейшую основу космического сознания, которое

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 60–62.

определяет формирование нового космического мышления и над которым работали все три творческих канала космической эволюции, представленных в России Рерихами, В.И.Вернадским и Д.Л.Андреевым. «Чувство, — писал последний, — замечательно переданное Тютчевым, когда личность ощущает себя участницей некоей исторической мистерии, участницей в творчестве и борьбе великих духовных — лучше сказать, трансфизических — сил, мощно проявляющихся в роковые минуты истории; разве, не обладая этим чувством, могла бы совершить свой подвиг Жанна д'Арк? Разве мог бы св. Сергей Радонежский — по всему остальному своему мироощущению настоящий анахорет и аскет — принять столь решительное, даже руководящее участие в политических бурях своего времени? Могли ли бы без этого чувства значительнейшие из пап век за веком пытаться осуществить идею всемирной иерократии, а Лойола — создать организацию, сознательно стремящуюся овладеть механизмом исторического становления человечества? Мог ли бы Гегель без этого чувства, одною работой разума, создать “Философию истории”, а Гёте — вторую часть “Фауста”? Разве мыслимо было бы самосожжение раскольников, если бы ледяной ветер эсхатологического, метаисторического ужаса не остудил в них всякую привязанность к миру сему, уже подпавшему, как им казалось, власти антихриста? Смутное метаисторическое чувство, не просветленное созерцанием и осмыслением, часто приводит к искаженным концепциям, к хаотическим деяниям. Не ощущаем ли мы некий метаисторический пафос в выпренных тирадах вождей Французской революции, в доктринах утопического социализма, в культе Человечества Огюста Конта или в призывах ко всемирному обновлению путем разрушения всех устоев — призывах, принимающих в устах Бакунина тот оттенок, который заставляет вспоминать страстные воззвания иудейских пророков, хотя оратор XIX века вкладывает в эти воззвания новый, даже противоположный мироощущению древних пророков смысл? Подобных вопросов можно было бы задавать еще сотни. Непременные же ответы на них приведут к двум важным выводам. Во-первых, станет ясно, что в общем объеме как западной, так и русской культуры подспудный слой апокалиптических переживаний можно обнаружить в неисчислимом количестве явлений, даже чуждых ему на первый взгляд. А во-вторых — что метаисторическое чувство, метаисторический опыт, неосознанный, смутный, сумбурный, противоречивый, вплетается то и дело в творческий процесс: и художественный, и религиозный, и социальный, и даже политический»¹.

Здесь автор «Розы Мира» представил метаисторическое чувство в его развитии и определил влияние этого важного чувства на различные процессы нашей исторической жизни. Сила этого влияния была разной, начиная от «следов» и некоторых элементов этого чувства и кончая абсолютным овладением им. Сам Андреев, будучи вестником, в чем теперь сомневаться не приходится, владел им в полной мере, соприкасаясь в различных формах с иными мирами. Кроме формы видения, Андреев использовал форму странствия по различным мирам, и высоким и низким. Подобное странствование в свое время осуществил Данте. Его уникальная книга «Божественная комедия» подробно рассказывает о таком путешествии. Странствование Андреева было более обширным и разнообразным. Оно охватило многие структуры мироздания различных состояний

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 70–71.

материи. Книга «Роза Мира» есть реальное отражение многих структур Космоса, осмысленных глубоким философом, каковым являлся Даниил Андреев. Она являет собой современный уникальный метаисторический источник, какими были и Живая Этика, и работы В.И.Вернадского, связанные с космическим мышлением. Соприкосновение Андреева с мирами иного состояния материи и получение им метаисторической информации, несомненно, подтверждает его вестническое творчество и миссию, необходимую для формирования нового космического мышления.

Странничество, важнейший вид соприкосновения с инобытием, возникало обычно ночью, в глубоком сне. Но это было не сновидение, а реальное вхождение его тонкого тела в тонкие миры. Нет никакого сомнения, что подобная полученная им информация необходима для формирования космического мышления и осмысления сотрудничества с Высшими мирами. В «Розе Мира» мы встречаемся и с проблемой Иерархии Космоса. Андреев их называет «великими братьями», о которых мы читаем в Живой Этике, в частности в книге «Беспредельность»: «Мы, Братья человечества...»¹ И в том, и в другом источнике смысл Братьев, или космических Иерархов, общий. Легкие различия, которые возникают, связаны с индивидуальностью писавших эти произведения. Нужно еще раз сказать, что ни В.И.Вернадский, ни Д.Л.Андреев не были знакомы с Живой Этикой, хотя творили, следуя ее идеям. С Братьями Андреев встречался и ночью, во время странствий, и днем, в присутствии многих сокамерников. Однако те ни о чем не догадывались. «Близость, — писал он, — одного из великих братьев вызывала усиленное биение сердца и трепет торжественного благоговения. Другого все мое существо приветствовало теплой, нежной любовью, как драгоценного друга, видящего насквозь мою душу, и любящего ее, и несущего мне прощение и утешение. Приближение третьего вызывало потребность склонить перед ним колена, как перед могучим, несравненно выше меня взошедшим, и близость его сопровождалась строгим чувством и необычайной обостренностью внимания. Наконец, приближение четвертого вызывало ощущение ликующей радости — мировой радости — и слезы восторга. Во многом могу усомниться, ко многому во внутренней жизни отнестись с подозрением в его подлинности, но не к этим встречам.

Видел ли я их самих во время этих встреч? Нет. Разговаривали ли они со мной? Да. Слышал ли я их слова? И да, и нет. Я слышал, но не физическим слухом. Как будто они говорили откуда-то из глубины моего сердца. Многие слова их, особенно новые для меня названия различных слоев Шаданакара² и иерархий, я повторял перед ними, стараясь наиболее близко передать их звуками физической речи, и спрашивал: правильно ли? Некоторые из названий и имен приходилось уточнять по нескольку раз; есть и такие, более или менее точного отображения которых в наших звуках найти не удалось. Многие из этих нездешних слов, произнесенных великими братьями, сопровождались явлениями световыми, но это не был физический свет, хотя их и можно сравнить в одних случаях со вспышками молнии, в других — с заревами, в третьих — с лунным сиянием.

¹ Беспредельность, 44.

² Разноматериальные, инопространственные и инowременные слои Земли (см. Краткий словарь имен, терминов и названий, часто упоминаемых в тексте // Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 592).

Иногда это были уже совсем не слова в нашем смысле, а как бы целые аккорды фонетических созвучий и значений. Такие слова перевести на наш язык было нельзя совсем, приходилось брать из всех значений одно, из всех согласованно звучащих слогов — один. Но беседы заключались не в отдельных словах, а в вопросах и ответах, в целых фразах, выражавших весьма сложные идеи. Такие фразы, не расчлняясь на слова, как бы вспыхивали, отпечатываясь на сером листе моего сознания, и озаряли необычайным светом то темное для меня и неясное, чего касался мой вопрос. Скорее даже это были не фразы, а чистые мысли, передававшиеся мне непосредственно, помимо слов.

Так путь метаисторических озарений, созерцаний и осмыслений был дополнен трансфизическими странствиями, встречами и беседами»¹.

Описания в «Розе Мира» высоких встреч с Великими Братьями достаточно реальны и подвергаться сомнению не могут.

Особенности подобных встреч были даны в ряде исторических произведений, а также в работах Рерихов. Полагаю, что такие встречи были и у В.И.Вернадского, но, будучи очень осторожным даже в дневниковых записях, Владимир Иванович не считал возможным об этом написать. Многие в его дневнике читается между строк.

Эти встречи шли по всем трем каналам и носили руководящий характер. Они как бы объединяли всех вестников, работающих в трех каналах космической эволюции.

Интересна также постановка в «Розе Мира» проблемы, которую Андреев называет глубинной. Осмысливая то, что видел, слышал и ощущал, он остановился на одном из важнейших моментов — памяти как таковой. Информация, с которой он имел дело, с точки зрения памяти разделялась на две части. Та, что относилась к событиям не особым и не важным, заминалась слабо. Контакты же с Высшим заминались во всех подробностях и сохранялись в памяти не только долго, но и навсегда. Он отнес эту информацию к глубинной памяти. Для того чтобы сохраниться в глубинной памяти, информация должна быть высокодуховной и соприкасаться с материей высокого энергетического состояния. Это наблюдение Андреева позволяет определить, что есть эта «глубина». В Живой Этике немало сказано о важном энергетическом центре в структуре человека, называемом «чашей». «Чаша», тесно связанная с чакрой сердца, является накопителем знаний и творческих достижений человека, которые он обретает в течение своих жизней. От уровня сознания этого человека и его духовности зависит и содержание «чаши». Есть пустые «чаши», а есть «чаши» — подлинные сокровищницы. Только высокий уровень сознания и духовности человека дает ему возможность «открыть чашу» и возродить память о заложенных в ней духовных сокровищах. В этом случае человек обретает способность глубинной памяти. Способности Андреева были очень высоки, и, по всей видимости, он наблюдал и ощущал «закладку» своей информации духовного знания в «чашу», или глубину своего внутреннего мира. Такой процесс и его сознательное восприятие, а в случае с Д.Л.Андреевым это так, представляют огромную эволюционную важность. Он ощутил этот процесс и нашел для него точное определение — «глубинная память». Эта глубинная память Андреева являлась редчайшим феноменом взаимодействия человека с его открытой «чашей» в самом начале «закладки»

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 67–68.

в нее очередной, новой духовной информации, о которой сохраняется долгая, если не вечная, память. Процесс глубинной памяти дает нам возможность еще раз соотнести информацию философии космической реальности с реальными знаниями, представленными в «Розе Мира».

«Роза Мира» не только метаисторический источник, но все, что мы находим в ней, подтверждено практическим опытом самого автора и осмыслено философски им же. Цельность и логика изложения этого произведения дает нам возможность говорить о метаисторическом учении, изложенном Д.Л.Андреевым. В этом учении мы видим чрезвычайно важную концепцию творческого влияния миров высшего состояния материи на земную жизнь. Очень многое соотносится в этом учении с идеями Живой Этики, и прежде всего, можно отметить, что и то и другое учение, и тот и другой источник являются основополагающими, каждый по-своему, в формировании космического мышления. И Живая Этика, и «Роза Мира» дают представление о космической эволюции, отмечают необходимость контакта с Высшими мирами и ставят своей задачей преобразования и переустройства земной жизни. Метанаучная и метаисторическая сторона концепции того и другого источника играет важную роль для будущего нашей планеты.

Понятия, введенные Д.Л.Андреевым, – метаисторическое познание, метаисторическое созерцание, метаисторическое осмысление, метаисторическое чувство – самым тесным образом связаны с Высшей космической материей, с космической Иерархией и космической эволюцией в целом. Без этого взаимодействия на Земле ничего важного и хорошего нельзя сделать. Сознательное пренебрежение связью с Высшим нарушает один из важнейших космических законов – в эволюции низшее ведется Высшим. Без этого водительства, без этого руководства низшее остается низшим, а через какое-то время спускается еще ниже. Наши разнообразные планетарные кризисы – результат пренебрежения к метаисторическому процессу на Земле. Как мы знаем, процесс этот охватывает основные области человеческого творчества – науку, философию, искусство, религию. Непризнание в этих важнейших областях метанауки и ее важнейшей части – метаистории – наносит непоправимый ущерб, прежде всего, развитию и самого человека, и всей планеты в целом.

Его освободили из тюрьмы только в 1957 году, через 4 года после смерти Сталина.

«Я тяжело болен, – писал он, – годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановить ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности, – идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах. <...>

Но ничто не поколеблет меня в убеждении, что самые устрашающие опасности, которые грозят человечеству и сейчас и будут грозить еще не одно столетие, – это великая самоубийственная война и абсолютная всемирная тирания»¹. Этими словами завершилась работа вестника Даниила Андреева.

Что же касается остальных – В.И.Вернадского и Е.И. и Н.К. Рерихов, – то можно сказать следующее. Идеи новой науки и новой эпохи мы видим в научных работах Вла-

¹ Андреев Д. Собрание сочинений. Т. 2: Роза Мира. С. 7.

димира Ивановича. Елена Ивановна оставила после себя Живую Этику – философию космической реальности, которая обретает, с большими трудностями и сложностями, популярность в России. Николай Константинович одарил нашу планету и, в первую очередь, Россию огромной коллекцией поистине великих картин, которые пронизаны космическими идеями Живой Этики. Оба они, и Елена Ивановна, и Николай Константинович, сохранили для нас память о Великом Учителе, Космическом Иерархе, вестниками которого они были.

К теперешней ситуации можно подойти по-разному. С точки зрения земной и формальной – вестники ушли, и три космических направления, руководимые Высшими мирами и Космическими Иерархами, как бы ослабели. Но на самом деле это не так. Нужно помнить, что время Высших миров отличается от земного своей цельностью, или безвременьем. Наши годы – их секунды, наши века – часы. Три космических канала, заложенных в 20-е годы прошлого века, продолжают действовать и наращивать нужную энергетику. Земля должна выйти на более высокий виток космической эволюции. Но это произойдет в том случае, если необходимость нового космического мышления будет понята и осознана, и когда связь и сотрудничество с Высшими мирами станет основой нашей жизни, а космические законы будут не только познаваться, но и выполняться.